

Н. Н. БЕЛОВА

О СВОБОДНОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ В ГАЛЛИИ в I—III вв.

Вопрос о свободном крестьянстве в период Ранней империи ставился в той или иной связи многими учеными, как зарубежными, так и советскими, и тем не менее, до сих пор не может считаться достаточно решенным, в частности, он мало изучен относительно отдельных провинций, в том числе Галлии. Между тем, решение его необходимо для понимания сущности и особенностей проявления рабовладельческого способа производства.

Проблема крестьянства в Галлии в течение интересующего нас времени рассматривалась главным образом в работах общего характера или посвященных западным провинциям в целом, и о роли свободного крестьянства были высказаны самые разные мнения. Так, одни авторы полагают, что в галло-римское время не было свободных деревень, а были только домены, центром которых была господская вилла, а деревня составляла лишь часть домена и от него зависела¹. Таким образом, из этого суждения неизбежно вытекает заключение о том, что не было места и для свободного крестьянства. Другие утверждают, что домены вовсе не поглотили всех деревень и что даже в период Поздней империи некоторые деревни сохраняли свою независимость и не находились под патронажем крупных землевладельцев². Наконец, третьи считают, что крестьянские хозяйства в Галлии интересующего нас периода были многочисленны³, но во время Поздней империи свободные крестьяне и колонны почти полностью слились в одну категорию⁴.

Оставляя в стороне вопрос о судьбе свободного крестьянства в Галлии в период Поздней империи, попытаемся проанализировать наши источники, в которых отражено существование и положение свободного крестьянства в этой провинции в I—III вв.

Нарративные источники для изучаемого нами времени почти полностью отсутствуют. Юридические документы имеют слишком общий характер и чаще всего не позволяют судить о специфике сельской жизни в различных областях империи, весьма отличных одна от другой в силу исторических и географических особенностей и прочих условий их развития. Главными нашими свидетельствами, таким образом, оказываются эпиграфические данные, к сожалению, только в редких случаях точно датированные в пределах I—III вв., и результаты археологических

раскопок, главным образом, в виде остатков крестьянских жилищ и поселений, как правило, поддающиеся более или менее точной датировке в пределах того же времени.

Из «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря, являющихся для нас отправным звеном в исследовании вопроса о крестьянстве в Галлии, вырисовывается, как это приходилось уже отмечать⁵, картина глубокого имущественного и социального неравенства внутри кельтских племен накануне римского завоевания. Если судить по широко известной специалистам 13-й главе 6-й кн. этого сочинения, где говорится о том, что в Галлии плебс, как совокупность всего населения, за исключением всадников и друидов, находился почти на положении рабов⁶, то создается впечатление полного отсутствия свободного крестьянства в независимой Галлии. Это впечатление усиливается от неоднократного упоминания Цезарем *perditis hominibus* (III, 17; VIII, 30), т. е. должников и людей, ничего не имеющих.

Однако вряд ли было бы правомерным судить о всем сельском населении кельтской Галлии как зависимом на основании только этих замечаний Цезаря. Ведь Цезарь мог наблюдать более или менее детально отнюдь не всю Галлию, а в основном только наиболее развитые центры, города, экономические и стратегические пункты кельтских племен, где скопление «маленького люда» в обстановке войны, хотя и было особенно велико, но не составляло большинства населения, рассеянного на обширных пространствах страны. Не случайно Цезарь особенно часто упоминает *oppida* и значительно реже сельские поселения, паги и вики. Кроме того, следует учесть неравномерность развития племен, отмеченную Цезарем. Она должна была иметь своим следствием сохранение более или менее многочисленных округов, где разложение общинно-родовых отношений не зашло столь далеко и потому должны были сохраняться свободные общинники, как например, в Белгике, в северных и северо-западных областях Галлии. Археологические раскопки, как будет показано далее, подтверждают наличие здесь свободного крестьянства и в римское время.

Одним из ближайших следствий римского завоевания было высвобождение от клиентской зависимости не только одних племен от других, но и отдельных лиц, находившихся в кабале у крупных местных землевладельцев, которые подверглись экспроприации за свою нелояльность по отношению к Цезарю. Экспроприированные таким образом земли обращались в государственные, или, как свидетельствуют римские агрименсоры, перераспределялись между обрабатывавшими их прежними клиентами. Последние же становились в результате такого передела свободными мелкими землевладельцами⁷.

В дальнейшем, по мере развития товарно-денежных отношений и роста городов, ускоренных римским завоеванием, а также вследствие распространения римского муниципального строя, действия частного римского права и утверждения частной собственности на землю, чему способствовали юридически проводившиеся Римом кадастровые переписи и практика наделения ветеранов земель за счет местных общин, разложение прежних родо-племенных отношений продолжалось уско-

ренными темпами. В наиболее романизованных областях утверждались рабовладельческие отношения. Часть сельского плебса, бывших клиентов, продолжала оставаться в той же клиентской зависимости⁹, другая превратилась в колонов¹⁰, наконец, некоторые из должников и клиентов были обращены в рабов, о чем свидетельствуют кельтские прозвища лиц рабского статуса¹¹, выдавая таким образом местное происхождение их носителей.

Романизация Галлии была, однако, далеко не сплошной¹² и неравномерность развития отдельных ее областей продолжала отчетливо наблюдаться и в римское время. В некоторых из них даже в период Поздней империи сохранялись племена почти в том же состоянии, в каком они пребывали накануне римского завоевания. Особенно характерны такие пережиточные отношения для Арморики, Бретани, Нормандии и для некоторых областей Аквитании. По образному выражению О. В. Ешевского, «историческое движение древних галльских учреждений... остановилось в горах Геводана, Руерга и Оверни на аристократическом образе правления и некоторые сумели сохранить свое значение до VI и, может быть, до следующих веков»¹³. Слабо романизованной была область паризиев. Археологическими раскопками здесь обнаружено мало галло-римских вилл, зато установлено преобладание небольших кельтских сел, о чем свидетельствуют их жилищные постройки и названия¹⁴. Деревни с крестьянским населением кельтского происхождения имелись в I—III вв. и в области рутенов¹⁵. Слабо романизованные районы в это же время были и в Белгике. Раскопками здесь обнаружены многочисленные погребения местных крестьян¹⁶. В частности, села кельтского происхождения имелись у медиоматриков¹⁷.

Деревни и села в таких мало романизованных местностях были заселены, можно предполагать, в большинстве своем свободными крестьянами, сохранившими многие кельтские обычаи в быту, поземельных отношениях, идеологии. В этой связи важно отметить интересные наблюдения и выводы Е. М. Штаерман о широком распространении родоплеменных богов и особую живучесть туземных культов в Галлии как раз в районах менее развитых в социально-экономическом отношении¹⁸, а также ее заключение о том, что в галло-римских имениях, на территории которых располагались села с зависимым от них населением, эти боги превращались в родоначальников или личных гениев знатных землевладельцев, хотя по традиции крестьяне и продолжали поклоняться таким видоизмененным богам, и что там, где еще в доримское время родоплеменная организация вытеснялась территориальной, наблюдается преобладание богов, почитавшихся как покровители дома, семьи, усадьбы и легко сливавшихся впоследствии с римскими¹⁹.

Обращает на себя внимание также однотипность крестьянских поселений, если судить по отмечаемым археологами кельтским традициям строительства жилищ или расположению их вокруг туземных святилищ в перечисленных мало романизованных областях. Здесь можно сослаться на раскопки очень небольшой фермы, как предполагается, крестьянского двора римского времени в департаменте Морбиане в Бретани, которая, по мнению ее исследователей²⁰, была подобна фермам

северной Галлии, открытым при раскопках в Нормандии, Вогезах, Кобленце, и располагалась также возле святилища, отражая, таким образом, кельтские традиции поселения. О том же свидетельствуют результаты археологических исследований в департаменте Сена и Марна в северной Франции. Обнаруженные тут следы строений, истолкованные сначала как постройки придорожного вика, затем как остатки галло-римской виллы, в настоящее время окончательно определены как следы сельского поселения, возникшего в конце I в. н. э. Осевшие здесь земледельцы и скотоводы использовали кельтские традиции при постройке своих жилищ²¹.

Наличие свободного крестьянства подтверждается и более прямыми археологическими данными. Так, например, при раскопках в 1947 г. в Manlaupaу (деп. Марна) был открыт небольшой набор железных предметов, представляющих собой орудия труда крестьянина: топор, кирка, лемех сохи, вилы, рашпиль, удила, бронзовые колокольчики, весы, зубило и т. п. Все это находилось вблизи от места расположения хижины и представляло собой, как предполагается, тайник мелкого земледельца, относящийся примерно ко второй половине III в.²², т. е. ко времени, когда варварские набеги становятся обычным явлением. Спрятанные таким образом в надежное место орудия труда могли быть собственностью, по-видимому, только свободного крестьянина. Интересны с этой точки зрения раскопки сельского жилища в Белгике на территории турнезийцев у дороги близ вика Howardries, производившиеся в 1955—1956 гг. в Taintignies (Hainaut). Главное помещение этой постройки представляло зал площадью 8,5×8,5 м. За домом обнаружена стена с навесом длиной в 10,5 м. Перед домом был ров размером 2×1 м, выложенный сухим песчаником и представлявший собой водопойный желоб для скота. Отсутствие каких-либо следов мощения говорит о довольно низком уровне постройки, а совокупность археологических находок свидетельствует о наличии здесь сельскохозяйственной усадьбы, которой владел колон, зависимый от местного крупного собственника, вила которого находилась по соседству, между Rumes и Taintignies, а гробница с его останками — в Rumes. Многочисленные предметы, железные и глиняные — нож, подкова, кирка, кожух, ключи, крюки, стержни, художественная керамика и глиняные предметы широкого потребления, найденные на дне траншеи, идущей вдоль внешних и внутренних стен постройки, позволяют датировать основание усадьбы и начало эксплуатации почвы второй половиной I в. н. э. В конце II в. постройка пострадала от пожара и окончательно была разрушена в связи с вторжениями хавков в правление Коммода. После этого исчезают какие бы то ни было следы существования усадьбы колона. Другая картина наблюдалась в соседнем вике Howardries. Монетные сокровища, обнаруженные там и датруемые 262 г., свидетельствуют о присутствии в вике жителей вплоть до вторжений второй половины III в. Исследовавший этот археологический материал Аман приходит к убедительному, на наш взгляд, выводу о том, что жители сел в *civitas* менапиев были больше привязаны к земле как свободные земледельцы, чем держатели земель, колонны, которые или не пережили вторжения варваров или сбе-

жали в другую область, решив, после того, как опасность миновала, что будет благоразумнее не возвращаться обратно в прежнее имение землевладельца²³. Деревни, населенные свободными крестьянами, в долине Луары, также мало романизированной области, засвидетельствованы в литературных памятниках периода Поздней империи²⁴.

Приведенные примеры не оставляют сомнения в том, что в течение I—III вв. в Галлии имелось свободное крестьянство.

Более сложной задачей является определение соотношения в это время свободного крестьянства и зависимого, т. е. колонов, клиентов, прекаристов и других категорий несвободного сельского населения. Однако есть основание полагать, что удельный вес свободных крестьян был значительным. Как было показано раньше, рабский труд в земледелии наблюдался в Галлии в течение I—III вв. далеко не повсеместно, а главным образом в наиболее романизованных ее районах, колоны, обрабатывавшие земли крупных собственников, становятся обычным явлением только с III в.; правда, не прекращала своего существования с доримских времен клиентская форма зависимости²⁵.

Важное значение приобретает, таким образом, вопрос о том, на каких, или чьих, землях располагалось крестьянское население, организованное по деревням и селам.

Крестьяне, находившиеся на землях частных владельцев или в императорских доменах²⁶, естественно, не могли быть экономически свободными. Но императорских имений в Галлии, по сравнению с другими провинциями, например, Африкой, было мало. Села на частных землях с зависимыми от крупных вилловладельцев колонами засвидетельствованы археологическими раскопками преимущественно для III в. и более позднего времени²⁷. Несмотря на экономическую зависимость, юридически колоны, как известно, продолжали долгое время оставаться гражданами своих общин и пользоваться самоуправлением. Примером могут служить упоминаемые в надписях крутизиенские колоны у треверов, поставившие посвящение богу Меркурию через своего главу, титул которого выражен кельтским термином *dannos* (CIL, XIII, 4228), а также колоны аперийские, поставившие посвящение богине Юноне *ex iussu*²⁸.

Свободными были те крестьяне, которые имели собственные земельные участки на территории городской общины и составляли ее сельский плебс, а также крестьянское население сел и деревень, сохранявших внутреннее самоуправление, и не находившиеся на территории имений частных лиц или императора. При этом неважно, были они приписаны к городу или сидели на государственной земле²⁹, не имеет значения в связи с этим и вопрос, кому они платили налог, городу или непосредственно государству, хотя города и были заинтересованы в большем числе налогоплательщиков, о чем свидетельствуют их тяжбы с владельцами изъятых из городской территории земель³⁰.

Таковыми самоуправляющимися сельскими территориями были паги³¹ и вики, как части или центры последних³². Они упоминаются в многочисленных надписях как Нарбонской, так и Великой Галлии³³, но особенно часто в Трех Галлиях³⁴. Более редкое упоминание пагов в Нарбонской провинции объясняется, по-видимому, тем, что в римское время

там многие паги, как известно, были превращены в самостоятельные *civitates*³⁵ или полностью слились с городской общиной, в которой были приписаны³⁶, в то время как в Галлии Великой многие *civitates* долгое время, а некоторые до конца, продолжали сохраняться всего лишь как территориально-племенные, а не городские общины³⁷, каждый паг в них представлял собой нечто целое и обособленное от других *civitas*, с центром в селе, вике, название которого иногда совпадало с названием пага³⁸.

Но следует ли рассматривать упоминающиеся в надписях паги с их самоуправляющимися органами³⁹ как показатель исключительно пережиточных отношений? Нам думается, что одновременно с пережитками родо-племенной организации паги в том виде, в каком они предстают по эпиграфическим данным, были задеты романизацией и содержали в себе тенденцию разложения первоначальных отношений, унаследованных от времени независимости. Об этом говорят прежде всего сами надписи, их наличие в пагах, как прямое свидетельство романизации; далее, романизированные, или даже римские имена должностных лиц, такие как: Тит Валерий Сенций (CIL, XII, 5370), Тит Валерий Криспин (там же, XII, 2558), Секст Юлий Сеннор (там же, XII, 2346), Луций Кампаний Приск (там же, XIII 3150), Гай Гентий Олилл (там же, XIII, 1670), Гай Аматий Патерн (там же, XIII, 2949) и т. п. Наконец, о романизации свидетельствуют названия должностей в пагах: магистры (там же, XII, 5370; XIII, 412, 614, 1670, 4316), эдилы (там же, 2611, XIII, 2949), жрецы (там же, XII, 2558; XIII, 3148—3150), префекты (там же, XII, 2558, 2346, 2561, 1307). Все эти магистратуры — порождение римского времени и влияния. Не случайно поэтому и то, что надписи с упоминанием пагов чаще всего встречаются в Нарбонской и Лугдунской Галлиях, т. е. в наиболее романизированных провинциях. Они есть также у лингонов (там же, XIII, 5475, 5595), ремов (там же, XIII, 3450), гельветов (там же, XIII, 5076, 5110), являвшихся более отсталыми районами, но известно, что названные территориально-племенные общины вошли впоследствии в состав Верхней и Нижней Германии и по причине соседства с римскими лагерями-оказались под сильным римским влиянием. Часто встречающиеся посвящения гению того или иного пага⁴⁰ в равной степени не могут служить аргументом только в пользу сохранения пережиточных отношений⁴¹. Посвящения гениям пагов, нам думается, следует рассматривать скорее как своеобразное отражение в идеологии утверждавшегося в римское время территориального принципа разделения отдельных общностей, приходившего на смену разлагавшейся родо-племенной организации, осознанием необходимости почитания места наряду с божественностью августов, выражавшегося обычно формулой: *in honorem domus divinae et pagi*, или *pum(inibus) Aug(usti) [et] pago* (XIII, 3148—3152). Одновременно эти посвящения отражают влияние самой римской идеологии, для которой культ гениев весьма характерен с давних времен. Отметим в этой связи многочисленные в Галлии посвящения, по римскому образцу, гениям и божественности императоров⁴², гениям частных лиц⁴³, гениям места (*loci*)⁴⁴. Не случайно и то обстоятельство, что дедикаторами в таких посвяще-

ниях выступают обычно лица с римскими или романизованными именами, или даже должностные лица вроде жрецов Рому и Августа (там же, XIII, 3148, 3152).

Таким образом, паги следует рассматривать не только как пережиточные явления, хотя они таковыми и являлись, но и как такие общности, которые в римское время претерпевали некоторые изменения и имели тенденцию к разложению.

В известной зависимости от состояния пагов, степени разложения в них родо-племенной организации и общинных традиций находилось положение свободного крестьянства и сама судьба сельской округи, или общины.

У нас нет прямых данных о положении свободного крестьянства в Галлии. Источники не позволяют говорить о величине их земельных наделов, налогах или податях, равно как и о других повинностях по отношению к городу или государству. Из сочинений агрименсоров, однако, известно, что с разных земель в разных провинциях подати взимались по-разному и были различны по величине. В некоторых провинциях собирали из части урожая от $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{5}$, в других — деньгами, в соответствии с оценкой земли⁴⁵. Возможно, в Галлии, как провинции, где были относительно высоко развиты товарно-денежные отношения в изучаемое нами время, налоги или подати взимались не только натурой, но и деньгами. Из кадастровых надписей из Оранжа, относящихся ко второй половине I в. н. э., известно, например, что колонисты вносили арендную плату за уступленные колонией земельные участки деньгами⁴⁶. Для характеристики положения крестьян пагов, приписанных к городам, интересна надпись из окрестностей Арелаты в Нарбонской Галлии, в которой идет речь о ходатайстве севира августала, вольноотпущенника Зосима за крестьян пага Лукреция перед президами провинции, и о том, что в конце концов ему удалось добиться прекращения каких-то несправедливостей, чинимых, возможно, городскими должностными лицами в отношении крестьян названного пага, и восстановления благ, которых они по какой-то причине временно были лишены (там же, XII, 594). Не исключено, что под несправедливостями следует подозревать повинности, которыми облагались крестьяне пага Лукреция в отношении Арелаты — города, на чьей земле они сидели. Очевидно также, что эти повинности были для крестьян обременительными, раз они решились воспользоваться услугами влиятельного лица, каким выступает в данном случае вольноотпущенник Зосим.

Под влиянием развивавшихся в I—III вв. товарно-денежных отношений происходило имущественное и социальное расслоение среди крестьян, первоначально прочно связанных общинными традициями.

Эпиграфическими и археологическими данными засвидетельствовано существование в пагах и виках ремесленников различных профессий и торговцев как иноземного, так и местного происхождения. Так, надписи упоминают изготовителей панцирей в селе Бриве Сугнутие у эдуев (там же, XIII, 2828), корабельщиков лигорикорских у намнетов; некто поставил за благополучие их и портензийских сельчан посвящение богу Вулкану, почитавшемуся в качестве покровителя кузнечного дела и

металлургии (там же, XIII, 3105). Сельчане-кузнецы упоминаются надписями у конвенов (там же, XIII, 384), каменщики и кузнецы — в Андомском паге у лингонов (там же, XIII, 3574, 3575), каменщики — в селе Алмантиценде в надписи из Арелаты (там же, XII, 732). Археологическими раскопками обнаружены следы деятельности кузнецов, гончаров, ткачей⁴⁷.

Развитие ремесел вело к превращению какой-то части крестьян в особую прослойку, для которой ремесло служило или дополнительным источником средств существования или постоянной и основной профессией. В первом случае ремесленники продолжали еще быть связанными с землевладением и общиной, в качестве членов которой они и пользовались правом на землю. Примером могут служить *pagani ferrarienses*, т. е. крестьяне-кузнецы у конвенов (там же, XIII, 384). В другом случае ремесленники могли уже не быть землевладельцами и даже порывали при известных обстоятельствах связь со своей первоначальной общиной, переходили в города или оседали на территории других пагов и даже становились клиентами крупных владельцев карьеров и земель. В этом нас убеждают надписи из Дижона, в которых говорится о каменщиках и кузнецах, осевших в Андомском паге у лингонов, не будучи его уроженцами (*fabri ferrari Dibione [con]s[i]s[t]ens* — (там же, XIII, 5474); *lapidari... eius pag. Andomo con[s]istens* (там же, 5475), и поставивших посвящение некоему Тиберию Флавию Ветеру, богатому местному собственнику, которого они называют своим вернейшим патроном, а себя — его клиентами.

Не меньшую роль в разложении первоначальных отношений в пагах и виках, наряду с ремеслами, играло проникновение в их среду торгово-купеческих элементов. Надписи упоминают торговцев, проживавших в селе у медиоматриков (там же, XIII, 4481), перевозчиков у аллобругов⁴⁸, корабельщиков в вике портензийском у намнетов (там же, XIII, 3105).

Как выражение этой тенденции к разложению прежних отношений следует рассматривать выделение из среды жителей пагов и виков частных землевладельцев-посессоров, за счет получения последними части земель села в личное распоряжение. В надписях можно наблюдать противопоставление рядовых жителей пага или вика посессорам, проживавшим на той же территории, что и они: *possessoribus vici...et vicanis* (там же, XIII 3529), *possessores aquenses* (там же, XII, 5874, 2459, 2460), *possessor[es] ex vico Lucr[e]tio* (R. G. 2304) и т. п. Такими посессорами могли стать или ветераны, отслужившие срок военной службы и вернувшиеся в родное село, или наиболее зажиточные его члены, сумевшие тем или иным путем добиться материального благополучия и выделиться из среды односельчан, наконец, владельцами земель на правах частной собственности становились вольноотпущенники, поселявшиеся в селах и приобретающие там землю за счет ее покупки у общины.

Взаимоотношения между крестьянами-общинниками и посессорами складывались часто таким образом, что последние в качестве частных или административных лиц села выступали в роли покровителей сельчан и оказывали им самые разные услуги и благодеяния. Так, в двух

надписях из Генавы отмечается, что некто Луций Юлий Брокх Валерий Басс, исполнявший ряд почетных должностей в колонии, в прошлом военный трибун, подарил генавезийским сельчанам озеро (CIL, XIII, 2606, 2607); у наметов местные посессоры, Луций Флавий Мартин и Марк Лукцей Гениалис, уступили портензийским сельчанам портик с полем (XIII, 3107); лавку и портик подарили нериомагензийским сельчанам жрецы Ромы и Августа у битуригов-кубов (там же, XIII, 1376); жрец и префект пага Дианы в Нарбонской Галлии подарил сельчанам храм с посвящением Августу Винтию (там же, XII, 2558); жрецы Ромы и Августа из окрестностей Кондата в Лугдунской Галлии поставили за свой счет статую местному богу Марсу Вицинну в честь божественного дома и пага карнутов (там же, XIII, 3150) и статую Марсу Муллону в честь пагов Матант и Секстаманд (там же, XIII, 3148, 3149); виканам Альбинниензийским подарил баню, луг, портик и источник, из которого вода по трубе поступала прямо в село, префект фабров Кай Сений Сабин (там же, XII, 2393, 2394); братья Мартиал и Марк Патриции, исполнявшие все почетные должности в общине лингонов, подарили вертилийским сельчанам амбар со всем его оборудованием (там же, XIII, 5661) ⁴⁹.

Подобного рода благодатели выступали и в прямой роли покровителей сельчан под титулом патрона. Так, например, эбуродунские крестьяне называют своим другом и патроном Гая Флавия Камилла, дуумвира колонии гельветов, одновременно являвшегося фламинем и патроном гельветской цивитас (там же, XIII, 5063); ворденские сельчане имели своим патроном местного землевладельца, кваттвирвира и фламмина Апты Гая Аллия Целера (там же, XII, 1114). Иногда одно и то же лицо было патроном одновременно двух вигов. Таковым являлся, например, Квинт Валерий Македон, исполнявший ряд почетных должностей в колонии Вьенна, которому поставили посвящение, как своему патрону, сельчане боксанские и нойомагенские (там же, XIII, 1783).

Благодетелями сел были, наконец, и просто соседи, крупные землевладельцы. В общине лингонов, например, эбуродунские крестьяне в своем посвящении некоей Юлии Фестиле называют ее лучшей соседкой, имеющей перед ними какие-то выдающиеся заслуги (там же, XIII, 5063) ⁵⁰.

Благодеяния, оказываемые крестьянам местными и соседними посессорами, равно как и патронат, весьма распространенное явление в период Империи, имели для сел и оборотную сторону: некоторые села таким образом утрачивали постепенно свою независимость.

В условиях развития товарно-денежных отношений и частной собственности на землю в паги и вики проникали рабовладельческие отношения. Труд рабов использовали в своих имениях местные посессоры-вилловладельцы. Об этом красноречиво свидетельствуют остатки вилл рустика с их помещениями для рабов и домиком вилика ⁵¹. В надписи, обнаруженной в Briord (деп. Эн) и относящейся к цивитас амбарров, упоминается некто Беллик из пага Веннетимоагенского. Форма выражения его имени через *sive*: [...] *ius siv[e] Bell[icus]* ⁵² — характерна для передачи имен рабов в эпиграфике. Раб викарий императорского

раба диспенсатора засвидетельствован надписью у сельчан Виндониссы (R.G., 2071). Таким образом, мы располагаем прямыми доказательствами наличия рабовладельческих отношений в селах. Большое значение в распространении рабства имели отпущенники, тем или иным путем оседавшие в селах и игравшие там иногда видную роль. В надписи, найденной между Нарбоном и Толозой (CIL, XII, 5370), упоминаются три вольноотпущенника — Публий Узулен Филерод, Тит Алеид Стабилион и Марк Узулен Харитон, являвшиеся магистрами пага. В Миннодуне отпущенник семир августал Квинт Элий Анн поставил местным сельчанам алтарь Юпитеру и Юноне за собственный счет, на земле, предоставленной для этого по решению самих сельчан. Бывшие рабы, вольноотпущенники, несли с собой практику эксплуатации рабского труда.

Таким образом, есть основание считать, что свободное крестьянство в Галлии в I—III вв. не только существовало, но и составляло, по-видимому, значительную часть сельских производителей материальных благ. В то же время имела место тенденция установления влияния над ними крупных соседей. Сельские поселения, паги и вики, приписанные к городу, в течение этого времени подвергались романизации, крестьяне здесь скорее дифференцировались и были менее однородны не только по своему имущественному положению, но и связям с общиной⁵³. Иная картина наблюдалась в сельских поселениях, не приписанных к городу и находившихся на государственных землях. В юридических документах упоминаются *leges patriae suae*⁵⁴, т. е. обычаи, которые сохранялись в римское время в некоторых *civitates* со времен Цезаря⁵⁵, а надписями засвидетельствовано существование племенных вождей, *principes* (у сегузиавов, например, CIL., XIII, 1645). Именно здесь наблюдалось особенно устойчивое поклонение родо-племенным божествам и должны были сохраняться, естественно, более прочные общинные традиции и общинная организация⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A. Grenier. Le Manuel d'archéologie gallo-romaine, VI, 2, P., 1934, S. 885.

² C. Jullian. Histoire de la Gaule, VIII. P., 1926, S. 165; M. Roblin. Le terroire de Paris aux époques gallo-romaine et franque. Peuplement et défrichement dans la civitas des Parisii (Seine, Seine-et-Oise). P., 1951, S. 338—340; A. P. Корсунский. О мелкой земельной собственности в западных провинциях поздней Римской империи.—ВДИ, 1970, № 2, стр. 167—173.

³ Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя.—ВДИ, 1953, № 2, стр. 53, 64; *Ее же*. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи.—ВДИ, 1951, № 2, стр. 98; *Ее же*. Кризис рабовладельческого строя в западных римских провинциях. М. 1957, стр. 175—178.

⁴ F. Lot, l'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire à l'époque franque, P., 1928, S. 76; Штаерман. О крестьянстве в западных провинциях Римской империи.—ВДИ, 1952, № 2, стр. 111.

⁵ См.: Н. Н. Белова. Данные эпиграфики о рабовладении в римской Галлии.—ВДИ, 1954, № 3; *Ее же*. О формировании элементов государственности и государственных учреждений у кельтов в Галлии.—АДОВ, вып. 7. Свердловск, 1971, стр. 172—175.

⁶ См. также: Цезарь, 1, 3, 17; VI, 2; VII, 13, 42; VIII, 7, 21.

⁷ "Die Schriften der römischen Feldmesser", hrsg. und erläutert von F. Blume.

К. Lachmann und A. Rudorff. В., 1848, S. 161; *Е. М. Штаерман*. О крестьянстве в западных провинциях..., стр. 104; *Ее же*; Две новые работы по социально-экономической истории Фракии.— ВДИ, 1971, № 4, стр. 225.

⁸ О кадастровых переписях см. нашу статью: О землевладении в галло-римских городах в первые два века н. э., преимущественно по данным эпиграфики.— АДСВ, вып. 2. Свердловск, 1963, стр. 6.

⁹ *Н. Н. Белова*. О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии I—III вв.— ВДИ, 1970, № 1, стр. 133—138.

¹⁰ *Там же*, стр. 138—141.

¹¹ Например: Довиок, Монтан, Квигонис (CIL, XIII, 2254, 119, 170, 2669), Герман, Коссутиа, Ауга, Дорис (там же, XII, 3276, 423, 1013, 3712). Иногда прозвища рабов происходили от названия племени или города: Тревер, Тонгор, Вьеннец, Эдуй (там же, XIII, 2032, 2669, 3599; XII, 3327, 3325).

¹² См.: *Н. Н. Белова*. Городской строй в римской Галлии в первые два века н. э.— АДСВ, вып. I. Свердловск, 1960, стр. 35—47.

¹³ *С. В. Ешевский*. Аполлинарий Сидоний. М. 1885, стр. 230—231.

¹⁴ *M. Roblin*. Op. cit., p. 338—340.

¹⁵ *A. Albenque*. Le Rutènes. P., 1948.

¹⁶ *J. Breuer*. La Belgique romaine. Bruxelles, 1945.

¹⁷ *M. Toussaint*. Metz à l'époque gallo-romaine. Metz, 1948, p. 28; *A. Dausat*. La vie rurale en France. P., 1950, p. 26—27.

¹⁸ *Е. М. Штаерман*. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961, стр. 162—163, примеч. 1; стр. 182, примеч. 33; стр. 195—197, 207.

¹⁹ *Там же*, стр. 197, 205.

²⁰ *J. Andre et J. Lecornec*. La ferme gallo-romaine de Bodan en Questembert (Morbihan).—“Annales de Bretagne”, LXIX, 1. 1962, p. 75—92.

²¹ *R. Majurel*. Deux trouvailles récentes du vicus d'Angers — en — Brie (Seine — et — Marne).—“Ogam”, 1963, 15, f. 2—3.

²² “Gallia”, 1948, VI, 2, p. 462.

²³ *M. Amand*. Fouille d'une habitation d'époque romaine à Taintignies (Hainaut).—“Latomus”, 1958, 17, f. 4, p. 723—730.

²⁴ См.: *Корсунский*. О мелкой земельной собственности, стр. 172 и примеч. 34.

²⁵ *Н. Н. Белова*. О формах зависимости..., стр. 121—142.

²⁶ Возможно, следующие надписи, посвященные божественности императора и сельчанам, или от имени сельчан, происходят из сел, располагавшихся на территории императорских доменов: CIL, XII, 342, 2532; XIII, 1373, 1374, 1376, 1377, 3151, 3152, 3475, 4303, 4565, 5194, 5195.

²⁷ *Н. Н. Белова*. О формах зависимости..., стр. 138—140.

²⁸ *Там же*, стр. 139, примеч. 112.

²⁹ Такого рода сельские территории, не зависящие от городов или военных лагерей, имелись, в частности, в Белгике. См.: *Breuer*. Op. cit, p. 28.

³⁰ “Die Schriften der römischen Feldmesser”, S. 53.

³¹ О значении термина pagus и наименованиях пагов, сохранившихся в галло-римскую эпоху см.: REPW, Suppl. VIII, 2A, 1958, стр. 2318—2337.

³² Термин vicus, как известно, имеет значение всякого поселения, противопоставляемого или изолированной усадьбе или городу, а сами вики различаются по своему характеру: религиозно-хозяйственные центры или религиозно-ярмарочные, резиденции местной аристократии, поселения у источников, торгово-ремесленные центры, стоянки пастухов, земельные поселки. См.: *там же*, стр. 2089—2094; *Grenier*. Op. cit., p. 668, 695; Habitations gauloises et villas latines dans la cité des mediomatrics, P. 1906, p. 113—116.

³³ CIL, XII, 342, 389, 392, 512, 732, 1114, 1307, 1341, 1376, 1377, 1529, 1711, 1783, 2346, 2393, 2395, 2424, 2449, 2460, 2461, 2493, 2494, 2532, 2538, 2558, 2561, 2587, 2598, 2606, 2607, 2611, 3179, 4155, 5370; *там же*, XIII, 219, 237, 384, 389, 412, 566, 604, 1176, 1373, 1374, 1376, 1377, 1378, 1449, 1462, 1670, 1815, 2043, 2352, 2424, 2450, 2500, 2541, 2608, 2609, 2828, 2895, 2949, 2972, 2920, 3105, 3107, 3145—3152, 3450, 3475, 3648, 3649, 3652, 4132, 4143, 4301, 4303, 4310, 4316, 4481, 4565, 4549, 4679, 4680, 4683, 5026, 5042, 5063, 5064, 5076, 5079, 5110, 5170, 5194, 5195, 5233, 5317, 5474, 5475, 5595, 5661; ILTC, №№ 126, 303, 355.

³⁴ REPW, Suppl. VIII, 2A, 1958, S. 2324—2337.

³⁵ Grenier. Les Gaulois. P., 1945, p. 168—169; REPW, ibidem, S. 2331 fg.

³⁶ REPW, *ibidem*. Слияние сельской территории с городом получило отражение в отождествлении названий города и племени, т. е. или город получал имя племени, или племени — имя города. Например: секваны — везонтиенцы, Лютетия — Париж (от паризии), аллоброги — виеннцы, тарбеллы — Аквы Тарбелленские и т. п.

³⁷ Даже основания колонии на территории цивитас или предоставление ее главному городу статуса муниципия далеко не всегда приводило к слиянию сельской территории с колонией или городом (см.: E. Kornemann. Zur Stadtentstehung in den ehemals keltischen und germanischen Gebieten des Römerreiches, Gießen, 1898).

³⁸ В этом нас убеждает сравнительно недавно опубликованная надпись из Briord (деп. Эн), которая упоминает Веннетонимагензийский паг: ex ra [g(o)] Vennet (onima-gensi). В трех же других надписях, известных раньше (CIL, XIII, 1241, 1244, 2564), речь идет о Веннетонимагензийских виках (J. Guey. Trois inscriptions latines retrouvées, "Gallia", 1959, 17, 2, p. 237).

³⁹ Подробное описание административного устройства см.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя..., стр. 174 и след.; *Ее же*. Мораль и религия..., стр. 38—39 и др.

⁴⁰ CIL, XIII, 237, 412, 3148—3152, 4679, 4680, 5076. Сюда же следует отнести посвящения в честь гениев колоний и цивитатес (*там же*, XIII, 566, 1462, 5079 и др.).

⁴¹ В известной степени, нам кажется, это относится и к многочисленным божествам с локальными эпитетами, которых Е. М. Штаерман рассматривает как свидетельства в пользу сохранения значительных пережитков общинных отношений (см.: *Мораль и религия...*, стр. 24—25).

⁴² CIL, XIII, 254, 389, 916, 1373, 1374, 1376, 1377 и др.

⁴³ *Там же*, XII, 3050—3056, 3433.

⁴⁴ *Там же*, XII, 2587; XIII, 423, 424, 434, 1112, 1745, 5970.

⁴⁵ "Die Schriften römischen Feldmesser", S. 203, 205.

⁴⁶ A. Piganiol. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange, XVI-e supplément à "Gallia". P., 1962, p. 58.

⁴⁷ Albenque. Op. cit.; "Gallia", 1968, 26, 2, p. 564.

⁴⁸ CIL, XII, 1815. Надпись, правда, допускает двоякую интерпретацию буквы V, которой обозначены дедикаторы: или по декрету самих же утриляриев, и тогда надпись в данном случае теряет для нас свое значение, или по решению виканов: l(oco) d(ecreto) v(triclariorum) или v(icanorum).

⁴⁹ Подобные примеры см. в CIL, XII, 1307, 2395; XIII, 412, 1377, 1378, 1670, 2043, 2352, 2450, 2500, 2609, 2895, 5233, 5317; RG, 2304 и др.

⁵⁰ См. следующие надписи с аналогичным содержанием: *там же*, XII, 59, 368, 516, 672, 701, 1748, 1853, 1868, 1856, 2608, 3184, 3275, 5842; XIII, 1822, 1911.

⁵¹ Н. Н. Белова. О формах зависимости..., стр. 121—131; *Ее же*. О предпосылках возникновения вилл в римской Галлии (I—II вв.).— АДСВ, вып. 6. Свердловск, 1969, стр. 155—169.

⁵² ILTG, n. 38.

⁵³ А. Р. Корсунский говорит об отсутствии общинной организации в романизованных провинциях Запада в период поздней Римской империи (см.: О мелкой земельной собственности, стр. 170).

⁵⁴ Dig., L, 4, 18, 25; L, 4, 1, 2, 11.

⁵⁵ Цезарь, VII, 76 (у аттребатов); VII, 33 (у эдуев); II, 3 (у свессиионов).

⁵⁶ Вопрос об общинных традициях и обширной организации в западных римских провинциях с привлечением большого эпиграфического материала, в частности, по Галлии, рассмотрен подробно Е. М. Штаерман в ее работах: *Община в западных провинциях Римской империи*, «Klio», 1960, № 38, стр. 207—224; *Мораль и религия...*, стр. 30—57.